

Средства массовой информации в системе государственной культурной политики

Алевтина ШЕВЧЕНКО, заместитель заведующего кафедрой информационной политики Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации

Мой практический опыт в журналистике - тридцать лет, из них восемь лет в качестве заведующей отделом культуры в пятигорской газете "Кавказская здравница". А Кавминводы уже не одно столетие представляют собой своеобразную мультикультурную площадку. Здесь переплелись культуры более 60 народностей, религии, пожалуй, всех конфессий, имевшихся сначала в Российской империи, а затем - в Советском Союзе. И можно было бы порассуждать, появился ли тот особый механизм и продукт, который мы ждем от мультикультурализма как формы социального обмена. Лет 15-20 назад мы бы еще смогли получить предмет исследования в более-менее кондиционном состоянии. Но продукт оказался слабоустойчивым к изменившимся политическим, экономическим и социальным условиям. Под воздействием последних произошло его расщепление по национальным, религиозным, языковым и иным составляющим. И этот процесс стал для меня как журналиста наиболее интересным. Но его истоки, на мой взгляд, уходят, прежде всего, в политическую сферу.

Мы должны не только описывать эти процессы, но изучать их, причем глубоко, с научных позиций. Да, это не совсем журналистское дело, но каждый волен сделать свой выбор. Поэтому я защитила диссертацию, пять лет проработала в представительстве Президента России на Северном Кавказе консультантом по информационной политике. Нужно было исследовать информационные потоки, пытаться структурировать информационное пространство не только на рыночных принципах, но и на гуманистических, и, кстати, на мультикультурных. Кое-что удалось сделать, даже два года издавать информационно-аналитический журнал "Северо-Кавказский регион". Но научные рекомендации политиков мало интересуют. На региональном уровне, на уровне субъектов Федерации дело сводится к PR-деятельности государственных структур, обязанных обеспечивать свободу слова, конституционное право граждан на доступ к информации и другие системные характеристики открытого общества. Недаром ведь и информационная политика России имеет сегодня такие, мягко говоря, причудливые формы. А журналистика, не сумевшая, или, может быть, не успевшая стать гражданской журналистикой, обретает те же конфигурации, что и массовые информационные процессы...

В своем выступлении я хотела бы остановиться на двух проблемах. Одна из них - роль государства в стимулировании культурного многообразия. Почему нас должен интересовать этот аспект? Потому что, не ответив на вопрос общего характера, невозможно адекватно оценить и частные проявления мультикультурализма. Напомню, что на Форуме тысячелетия в ООН (начало 2000 года) были представлены основные принципы Организации Объединенных Наций по проблеме культурного многообразия в рамках глобализационных вызовов. Отмечалось, что глобализация не всегда стимулирует культурный обмен на достаточно равной основе. Весьма заметна тенденция наложения одной культуры на другую, что ведет, в конечном счете, к культурной гомогенизации с различными степенями интенсивности. В результате мир получит прекращение культурного обмена в целом.

ООН предлагает рассмотреть и оценить несколько возможных концепций культурного многообразия. Первая представлена так называемой униформистской моделью,

ориентированной на современную западную культуру с абсолютным превосходством последней. Думаю, вы не станете отрицать, что мы с вами, журналисты, наблюдаем, а скорее, участвуем в реализации этой модели в России. Вторая модель названа ООН "множественной универсальной". Она подразумевает создание мировой модели с первоначальной основой евро-американской матрицы, но с возможностями культурной адаптации к конкретным геокультурным ситуациям. Межкультурный диалог должен проходить на основе существующих универсальных ценностей. Это асимметричный обмен, в котором все культуры имеют свой голос, но отнюдь не равный по силе.

Еще одна модель - плюралистическая, она реализует существование различных культур с их собственными ценностями, учреждениями, методами. Универсальные ценности не навязываются, не учреждаются, а вырабатываются как плод установившегося культурного диалога. На этой модели и остановила свой выбор ООН. И государства, входящие в ее состав, должны уважать и поддерживать этот выбор. Директор по исследовательской работе ЮНЕСКО Л. Аризпе в своем докладе ООН так определяет задачи правительств: "Роль государства и государственной национальной политики состоит в современной адаптации к потребностям и требованиям политического и общественного устройства каждого общества в соответствии с его культурными ценностями и традициями. В этом отношении государственная политика должна всеми силами препятствовать глобализационным процессам в культурном развитии и стремиться сохранить внутреннее разнообразие и самобытность культурных традиций"¹. Как справляется с такой задачей наше правительство и какая ему помощница российская пресса - вы можете рассудить сами.

Думаю, всем нам нелишне знать, каковы тенденции мировой культурной политики, каковы ее функции. В этом плане большой интерес представляет доклад М. Маршалла, который называется "Тенденции европейской культурной политики", он опубликован в уже цитировавшемся мной бюллетене. Автор выделяет шесть функций политики, я их назову очень коротко. Это, первое, - перспективное создание и становления рынка культурной индустрии, второе - сохранение национальной идентичности, то есть культурное самоотожествление, которое определяется достижениями не только будущего и прошлого, но и настоящего. Далее: поддержание конкурентных способностей нации, создание равенства шансов, обеспечение многообразия и плюрализма, и, наконец, стимулирование творческой деятельности.

Посмотрите, какой замечательный перечень проблем для аналитической журналистики! А видим ли мы их отражение в отечественной прессе?..

Доклад М. Маршалла интересен для пишущих по вопросам культуры еще и тем, что он дает некие отправные точки анализа, характеризуя четыре исторически сложившиеся модели культурной политики. Это советская - руководство культурой. Немецкая отражает менеджерский тип культурной политики, западно-европейский, где доля госфинансирования и общественных пожертвований составляет около 60%. Англо-саксонская, основанная на меценатстве. Американская или вспомогательная: среднеамериканское культурное заведение добывает 60% своего содержания на рынке, частные пожертвования составляют 30%, а спонсорская поддержка - лишь 5%.

Какая же модель культурной политики реализуется в России? Видимо, все-таки первая, советская, при том что у нас, конечно, есть элементы и самоорганизации, и гражданского участия в виде спонсорства и меценатства. Но, на мой взгляд, свойственный российской ментальности патернализм, патерналистская психология, придает прочность и устойчивость советской модели, остающейся и по сегодняшний день политическим каркасом организации культурного пространства. Заметим, что культурной политике Российской империи более соответствовала англо-саксонская модель, что подтверждает мощное движение меценатства не только в столицах, но и в

губернских, и в уездных городах.

Говорить сегодня о каких-то четко обозначенных тенденциях к другой модели я бы воздержалась. Вот несколько цифр, полученных сотрудниками Института комплексных социальных исследований РАН, Российским независимым институтом социальных национальных проблем при участии кафедры информационной политики РАГС. Исследование проводилось в течение последних десяти лет реформ, опросы осуществлялись по общероссийской выборке (1750 респондентов). В конце 2001 года народу задали такой вопрос: какие организации должны управляться государством, а какие - частным сектором? Население ответило таким образом: вузами должно управлять государство - 69,9%, 1,5% высказались в пользу частного сектора, 25% опрошенных выступает за совместное управление. За государственное управление школами высказались 72,9% респондентов; 1,3% - за частный сектор, 23,7% - за смешанную форму. Управление телевидением - 35,3% опрошенных за государственное, 6,9% - за частное, 54,3% - совместное. Газеты - 28,6% - государственное, 9,1% - за частную собственность, 58,5% - управление смешанное. Музеи, театры и библиотеки - то же самое: 48,3% - за государственное регулирование, 3,3% - частное, 41,3% - совместное.

То есть, говорить о том, что общество в целом готово к переходу к какой-то другой модели культурной политики, кроме патерналистской, советской, я бы воздержалась. Я думаю, что избавление от патернализма нам не грозит никогда. Это наше архетипическое, ментальное, нам с ним жить, а если государство сумеет повернуть патернализм на пользу себе, то и добра наживать. Произойдет же это, как в хорошей семье, - когда родители создадут ребенку условия для взросления. А не будут с младых ногтей до седой бороды опекать его как младенца. Хотя так, конечно, до поры до времени проще и легче жить. Но что происходит потом, когда вырастает инфантильный, безответственный, но уже не подчиняющийся отцовскому окрику или подзатыльнику мужик - каждый из нас знает. Сегодня у российского общества еще есть ресурсы для гражданского взросления. Будут ли они израсходованы рационально - трудно сказать. Это ведь не первый наш шанс...

Вынуждена констатировать, что существующая конфигурация культурных и информационных потребностей населения вполне устраивает государственную систему управления. В очередной раз это выяснилось в процессе подготовки реформы системы государственной службы Российской Федерации. Напомню, что в качестве одного из основных принципов достижения качественно иного уровня этого института предполагается реализация открытости и прозрачности государственной службы. Как вы понимаете, без участия средств массовой информации тут не обойтись. Но вот исследования, которые проводились кафедрой акмеологии и психологии профессиональной деятельности РАГС, показали, что чиновники относятся к принципу открытости и прозрачности с большой долей условности, если не сказать - скептицизма. С 1998-го по 2000-й год была исследована почти тысяча государственных служащих. Половина из них вообще не приемлет принцип открытости и прозрачности государственной службы, (отсюда и "желанное" отношение чиновника к журналисту). Четвертая часть опрошенных допускает, что такие принципы могут присутствовать, но, как говорится, не в этой жизни, то есть, не здесь, не сейчас и не со мной. И только одна четвертая подтверждает, что они принципы транспарентности не только приемлют, но и исповедуют в своей деятельности.

Замечу, что выработка новой управляющей модели - это не только наша, российская проблема. Рано или поздно ею занимаются все государства. Скажем, в последние годы существенно трансформировали свою систему управления американцы. От господствующей модели государственного менеджмента они переходят к иной, с длинным названием "Система новой государственной службы". В ее основу

закладывают как раз принцип служения обществу. Удастся ли ее реализовать в их системе ценностей, сформированных уже в процессе функционирования демократического общества, пока трудно сказать даже ее конструкторам.

Поэтому говорить сегодня о том, как и когда в России на практике будут изменены основы государственной службы, изменены отношения между чиновником, журналистом и гражданским обществом, весьма затруднительно. А поскольку они являются системообразующими элементами культурной политики, то и модель ее еще долго не трансформируется ни в одну из трех оставшихся из предложенных господином Маршаллом.

И, естественно, здесь встает вопрос о том, каким образом формируется культура общения журналиста, гражданского общества и государства. И.М. Дзялошинский отмечал, что это не деловое общение, не профессиональное общение, это чиновничье общение, которое требует своего собственного исследования, описания и корректировки. Мне сдается, что пространство коррекции отношений между государственным служащим и журналистом тоже весьма конфликтно и проблематично. На мой взгляд, и журналисты, и государственные чиновники - это люди с одинаковой психологической акцентуацией на власти. Притязания на влияние, доминирование, господство над публикой присутствуют и у одних, и у других. У журналиста, к тому же, в силу специфики профессии, акцентуация всегда выражена, показана, даже выпячена - тот самый профессиональный кураж, шарм, который выделяет "золотые перья" печатной прессы или "звезды" электронной. Что я понимаю под словом "кураж"? Кураж - это профессиональная смелость и убежденность в правоте того дела, которому служишь - именно служишь, в миссионерском значении слова. Это полная самоотдача, мастерство аргументации. Это блестящее владение словом. Бессребренничество, наконец! Сегодняшний кураж в журналистике - это, простите, выпендрож, а не кураж. Совсем другая культура, которая производит и другое название того эффекта, который мы наблюдаем. Я, к сожалению, не помню, кто сказал, что журналистику нужно делать холодным умом и горячим сердцем. Это прекрасная профессиональная установка, жаль, что нам не удается ее внушить молодым коллегам.

Если мы из журналистики "изыдем" этот кураж (а это, как известно, довольно простая процедура), если она уподобится даме, прекрасной во всех отношениях, то, собственно, мы будем вынуждены аннулировать и саму журналистику. Она превратится во что угодно - в PR, в рекламу, да мало ли функциональных трансформаций можно получить из журналистики! Но мы не сможем сохранить журналистику как социальный институт, как социальную систему, которая обслуживает интересы гражданского общества, контролируя власть.

С другой стороны, реально ли надеяться на то, что когда-нибудь наши чиновники станут настолько транспарентными, будут настолько саму систему государственной службы воспринимать как служение обществу, что журналистика просто лишится своей основной функции - контроля за государственной властью? Думаю, что этого не произойдет до той поры, пока не будет изменен гомеостат социальной системы, то есть не деформируются контуры управления прямой и обратной связи или собственно общественное устройство.

Наверное, новый комьюнитаризм, или ответственная журналистика, которая пытается выделиться в евро-американской журналистике, в их системе профессиональных ценностей и ориентаций, нами будет освоен не очень скоро. Отдельные проявления будут и есть, но оформиться в тенденцию, им, видимо, в ближайшее время не удастся. Тут, кстати, следует отметить параллельность и одновременность трансформационных процессов в журналистике и в государственной службе.

Другая проблема, которая нуждается в тщательном анализе в рамках данного проекта, связана с использованием понятия культурной нормы. Что сегодня считается нормальным, а что - ненормальным? По каким критериям определяется норма в мультикультурных отношениях, и кто ее устанавливает? Это фундаментальные вопросы, с которыми ученые умы мучаются уже не одно столетие. И все же каждому поколению приходится отвечать по-своему.

Словарь определяет культурную норму как "стандарт культурной деятельности, регулирующий поведение людей, свидетельствующий об их принадлежности к конкретным социальным и культурным группам и выражающий их представление о должном и желательном"². Назначение культурной нормы, как и всякой социальной, - препятствовать воздействиям случайных обстоятельств, субъективных мотивов и психологических состояний. То есть, это механизм регулирования общественных отношений, причем, для личности механизм ограничительный, табуирующий. Но приобщение к той или иной культурной норме, а фактически, выбор способа жизнедеятельности - дело сугубо добровольное, а значит - сознательное. Вся трудность положения заключается в свободе выбора человека.

Поскольку здесь собрались в той или иной степени информации, то мне бы хотелось вспомнить информационную теорию эмоций Петра Васильевича Симонова. Как вы знаете, ее суть состоит в том, что человек, обращаясь за какой-либо информацией, пытается удовлетворить свою потребность в определенной эмоции - радости или печали, агрессии или страха... Если учесть, что общество, в котором мы сегодня живем, по определению психиатров, находится в состоянии социального стрессового расстройства, то станет понятно, почему так востребованы и популярны криминальные хроники, боевики или мексиканские сериалы.

Но именно потребность является пусковым механизмом, движущей силой мотивов и действий. Она определяет целеполагание, интерес и интенсивность достижения искомого состояния - эмоции.

Однако сама потребность содержит в своей структуре нормообразующую компоненту: Симонов выделяет потребности "для себя" - и это есть абсолютное, неотчуждаемое право личности, и потребности "для других" - как ответственность. Получается, что каждый человек в процессе выбора путей и средств удовлетворения социальной потребности, в том числе и культурной, колеблется в диапазоне Я - "для себя" и Я - "для других". Выбор - это и есть свобода человека. То есть парные категории выстраиваются принципиально иные: не "свобода - ответственность", а "право - ответственность" и "свобода - ограничение". Так устроен механизм нравственной нормы, что особенно ясно наблюдается в реализации религиозного сознания.

На наш взгляд, эффективное разрешение противоречий, движущих индивидуальным и социальным развитием, нужно искать на противоположащих внутренних уровнях сознания индивида. Мы же выстраиваем общественно-личностные отношения по оппозиционной модели, постоянно противопоставляя общественное и личное. Индивидуальная, нравственная норма каждого человека определяется в диапазоне "право - ответственность", а социальная, моральная - в диапазоне "свобода - ограничение". При этом систему ограничений формирует как внешняя среда (социум, общество), так и сам человек, установивший собственную норму отношения с социумом - Бог, нравственный императив Канта, некий общественный идеал. Таким образом, мы можем объяснить, почему множество людей не принимали идеологические нормы тоталитарного режима или сегодня не принимают нормы "рыночной демократии".

Выбирая индивидуальную систему культурных норм (чего я хочу, чего желаю), человек определяет для себя систему ограничений, которая реализуется через ответственность. В этическом поле последнее представлено категориями "совесть", "стыд", "долг". Внутренними ограничителями выступают также честь и достоинство человека, естественно, если они вообще присутствуют в его духовной структуре. Особенно явно это проявляется в условиях свободы выбора и следования культурной норме в так называемых неопределенных ситуациях, в отсутствии внешнего контроля за обязательностью выполнения установленных ограничений.

Однако каждое общество, выстраивая свои системы отношений, стремится - заметим, при поддержке государства, иначе зачем ему вообще эта форма организации жизнеобеспечения - усилить свое влияние на личность таким образом, чтобы вызвать отклонение от индивидуальной нормы в пользу общественной. Этот эффект описан, например, социальным психологом Эрихом Фроммом в работе "Здоровое общество". Он анализирует процесс социализации личности, то есть обретения индивидом общественных свойств, при котором человеку приходится подстраивать себя под окружение, адаптироваться в "компании" себе подобных.

Под воздействием общественной, а затем - правовой, государственной нормы уже на самых ранних этапах социализации происходит трансформация индивидуальной нормы, которую Фромм понимает как "ущербность личности", а сам процесс называет "узакониванием ущербности личности".

Возьмите, к примеру, трансформацию культурной нормы в языке. О крайних формах уже даже говорить бесполезно. Очень тревожное положение со смысловым содержанием исконно русских слов, а точнее - со смыслами, выраженными исконно русскими словами. Вот сценка, увиденная в метро, где молодые люди, похоже, студенты-филологи, вслух читают листок социальной рекламы - стихи Н. Поповского, помещенные рядом с изображением памятника Минину и Пожарскому. Стихи такие: "Москва представит вам героев./И храбры русские полки. /Несчетны тьмы противных воев/От сильной пали их руки". Выделенное слово читалось с интонацией, совершенно исключавшей изначальный смысл - противники, что вызывало недоумение и хохот молодежи.

Думаю, что у них не было намерения ерничать - они просто живут в иной системе смыслов, порождаемых негативными трансформациями социокультурной реальности. В этих условиях, наиболее полно изученных в теории постмодернизма, сам процесс культурного нормотворчества обретает определенную векторную направленность - к шизофренизации общества. Потому что в ситуациях, когда социальное "ненормальное" становится нормой, личность как бы раздваивается. "Я"-внутреннее и "Я"-внешнее расходятся по сферам реального и виртуального существования, и трудно сказать, какая из них на самом деле существует, а какая порождена вновь образованными нормами виртуальной культуры.

Виртуальная реальность создает то, что определяет наше сегодняшнее состояние, ежеминутное проявление этих состояний, которые не может минимизировать культурная норма. Но в личностном потенциале остается "Я"-внутреннее, закрепленное в культурном коде, генотипе и ментальности, которое определяет индивидуальную смысловую структуру моего существования. В таком случае, если следовать смысловой теории Франкла, мы не потеряемся, мы можем выскочить из дома, в котором хаос. Но высказываем мы в своей культурной сущности, без социальных псевдоодежек и защит. А хаос остается там, откуда мы себя выдержали.